

ART AND DIPLOMACY

DOI 10.15826/qr.2018.1.288

УДК 745:679.8+679.852(470.5)+94(470)"18"+327(09)

ПАРА МАЛАХИТОВЫХ ВАЗ ЕКАТЕРИНБУРГСКИХ МАСТЕРОВ В ИМПЕРСКОЙ ДИПЛОМАТИИ*

Людмила Будрина

Екатеринбургский музей изобразительных искусств,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

TWO MALACHITE VASES BY YEKATERINBURG MASTERS IN IMPERIAL DIPLOMACY**

Ludmila Budrina

Yekaterinburg Museum of Fine Arts,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The history of the art of stone carving in Russia is closely connected with the country's foreign policy. Works from the Yekaterinburg Lapidary Factory were sometimes distributed around different countries and continents as diplomatic gifts or a demonstration of gratitude from the Russian emperors. It is essential to examine the circumstances in which said objects left the country to be able to reveal the works of Ural stonecutters and assess the scale of production and the level of craftsmanship. As a result of such investigations, researchers not only manage to discover objects and attribute them (even when such information is completely lost) but also find obscure connections and parallels in the role they played in solving diplomatic issues. The author carries out such research by studying two malachite vases designed by I. I. Halberg in 1838 and made by

* Благодарю за помощь в подготовке публикации Эмили Рой и Эмму Гиллиланд (Emily Roy and Emma Gilliland, Waddesdon Manor), доктора Масуда Носрати и Мансуреш Аджадвари (Dr Masoud Nosrati и Mansoureh Azadvari, Golestan Palace), Пола Дэйсона (Paul Dayson, Лондон).

** Citation: Budrina, L. (2018). Two Malachite Vases by Yekaterinburg Masters in Imperial Diplomacy. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 151–160. DOI 10.15826/qr.2018.1.288.

Цитирование: Будрина Л. Two Malachite Vases by Yekaterinburg Masters in Imperial Diplomacy // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 1. P. 151–160. DOI 10.15826/qr.2018.1.288 / Будрина Л. Пара малахитовых ваз екатеринбургских мастеров в имперской дипломатии // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 151–160. DOI 10.15826/qr.2018.1.288.

masters of the Yekaterinburg Lapidary Factory between 1864 and 1865. The two vases symbolise the complex situation of British and Russian policies in the Middle East and the internal expansion of Russian rail transport. One of the vases was given to a Persian shah and the other to a British financier. However, only together do they help form an idea of the complex processes of the epoch in question.

Keywords: Yekaterinburg Lapidary Factory; malachite vases; diplomatic relations; Alexander II; Nassereddin Shah Qajar; Baron L. Rothschild; I. I. Halberg.

История камнерезного искусства в России оказывается неразрывно связана с перипетиями внешней политики государства. В качестве дипломатических даров и знака благодарности российских императоров произведения Екатеринбургской гранильной фабрики оказались рассыпаны по странам и континентам. Задача выявления работ уральских резчиков, восстановления подлинных масштабов производства и оценки исполнительского уровня мастеров требует изучения обстоятельств, в которых предметы покинули страну. Порой в результате таких исследований удается не только обнаружить предметы, восстановить их атрибуцию (зачастую полностью утраченную), но и найти неочевидные связи и параллели в решении дипломатических вопросов. Примером такого исследования стало изучение пары малахитовых ваз, созданных по проекту И. И. Гальберга 1838 г. мастерами Екатеринбургской гранильной фабрики в 1864–1865 гг. Сложное сплетение интересов британской и российской политики на Ближнем Востоке и внутренняя российская экспансия железнодорожного транспорта соединились парными вазами. Одна из них стала даром персидскому шаху, вторая – британскому финансисту. Но только вместе эти части разрозненной пары дают представление о сложных коллизиях описанной эпохи.

Ключевые слова: Екатеринбургская гранильная фабрика; малахитовые вазы; дипломатические отношения; Александр II; шах Насреддин; барон Л. Ротшильд; И. И. Гальберг.

Произведения императорских гранильных фабрик, выполненные из уральского малахита, прочно вошли в историю российской дипломатии XIX в. Начиная с пары «псише» и пары столов, поднесенных Александром I в подарок прусскому королю Фридриху Вильгельму III и королеве Луизе в 1803 г. [Göres], большинство важных демаршей в российской внешней политике сопровождали малахитовые дары.

С расширением интересов Российской империи на Ближнем Востоке среди получавших такие знаки внимания появляются монархи стран этого региона. Первым из восточных властителей малахитовый дар – одну вазу «медици» из пары – получил шах Персии. Несколькими месяцами ранее вторую вазу из этой пары отправили из российской столицы в Лондон в подарок Лионелю Ротшильду. Более близкое знакомство с историческим контекстом этих даров позволило проследить связь между этими подарками. Она оказалась сложнее,

нежели обстоятельства создания камнерезных произведений, будучи тесно переплетенной с борьбой интересов европейских держав на Ближнем Востоке.

История создания пары малахитовых ваз «Медичи»

В первые пореформенные годы императорская Екатеринбургская гранильная фабрика переживает один из самых сложных периодов своего существования. Отмена крепостного права заставляет Кабинет его императорского величества искать средства для сокращения расходов. Одной из мер экономии должно было стать закрытие фабрики и передача ее в аренду в частные руки. В этих условиях полковнику П. И. Миклашевскому, ставшему директором фабрики в конце 1859 г., удалось свершить почти невозможное. Последовательно иницилируя обширное экспонирование произведений фабрики на национальных и международных выставках, он сумел доказать полезность экономически нерентабельного производства для поддержания национального престижа. Путь к этому результату лежал через обоснование необходимости завершения ранее начатых произведений, исполнение предприятием быстрых в работе и эффектных предметов (в качестве примера можно привести пару ваз из родонита и калканской яшмы, почти напрямую с фабрики отправленных в Лондон для принца Уэльского в 1866 г. [Будрина]). Летние ограничения в работе над крупными заказами, вызванные остановкой машин из-за падения уровня воды в городском пруду, традиционно преодолевались выполнением в этот сезон малахитовых предметов, исполнение которых было возможно исключительно на станках с ручным приводом.

Ввиду изложенных обстоятельств закономерным становится распоряжение директора фабрики о начале работы над двумя вазами с малахитовой мозаикой, отданное 1 июня 1864 г. [ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 377. Л. 4 об.]. Не имея заказа на исполнение этих ваз от Кабинета, П. М. Миклашевский обратился к ранее полученным эскизам. Его выбор пал на чертеж вазы-кратера 1838 г. Разработанный К. И. Росси вариант прочтения классической формы вазы-урны, известной в Европе под названием «Кампана», а в отечественном камнерезном искусстве чаще всего связанной с именем флорентийского семейства Медичи, был усовершенствован И. И. Гальбергом.

Серия чертежей с вазами «медичи» появилась в творческом наследии И. И. Гальберга в связи с отправкой в 1839 г. в подарок королеве Виктории большой вазы, исполненной годом ранее мастерами Петергофской фабрики. Авторство петергофской вазы В. Б. Семенов приписывает архитектору К. Росси [Семенов, с. 131]. Перед отправкой подарка в Лондон Гальбергу было поручено «снять меру с большой малахитовой петергофской вазы... и потом составить рисунок в такую же величину вазе формы “Медичи”...» [РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 35. Л. 10] (цит. по: [Мавродина, с. 248]). Сохранив внешние габариты предмета,

Иван Гальберг существенно усложнил рисунок. Убедиться в этом можно, сопоставив исходную вазу (в настоящее время находится в Виндзорском замке, The Royal Collection Trust, Inv. RCIN43957) и произведение, исполненное мастерами Екатеринбургской гранильной фабрики в 1841–1842 гг. (Государственный Эрмитаж, Инв. № Э.2720).

Не будет преувеличением сказать, что вариант, разработанный И.И. Гальбергом, один из самых сложных для исполнения. Ряды ов на отвороте борта и манжете ножки, выпуклые ложки на донной части емкости и каннелюры в нижней части ножки требовали от мастеров не только подбора рисунка на малахите, но и расчета необходимой для резьбы изогнутых элементов толщины мозаичных фрагментов. Эскиз предполагал дополнение каменного объема ручками из золоченой бронзы. В двух размерах этот рисунок повторялся многократно для мозаичных работ из лазурита и малахита. Самым известным вариантом интерпретации большого размера (высота 1,81 м, диаметр 1,43 м) можно с уверенностью назвать уже упомянутую вазу из Эрмитажа.

Оставшийся ранее без применения чертеж вазы меньшего размера П.И. Миклашевский отдает в работу [ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 862. Л. 31] (рис. 1). Создание пары ваз заняло около полутора лет, из которых более года длились набор малахита, его шлифовка, мастиковка и полировка [ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 377]. Оконченные в ноябре 1865 г. вазы были оценены в 9725 рублей за пару и отправлены в Петербург в следующем году [Там же. Д. 380. Л. 52 об.]. Облицованные нижнетагильским малахитом предметы имели в высоту 1 аршин 8 вершков (1,06 м) и в диаметре 1 аршин 4 вершка (0,88 м).

В отличие от ваз 1840-х гг., произведения 1860-х не получили бронзового декора в виде фигурных ручек, что позволяет оценить в полной мере работу мастеров с камнем. Мозаичный набор, в рисунке которого чередуются спирально обвивающие тулово узорные ленты и округлые цветки-глазки, свидетельствует о высочайшем уровне освоения техники малахитовой мозаики уральскими мастерами.

По не подтвержденным источниками данным, приведенным В.Б. Семеновым, вазы экспонировались в Париже на Всемирной выставке 1867 г. [Семенов, Тимофеев, с. 177]. Эта пара ваз стала последней крупной работой из малахита Екатеринбургской гранильной фабрики.

Волею судеб две малахитовые вазы оказались вовлечены в дипломатические процессы 70-х годов XIX в., развернувшиеся вокруг строительства в Персии сети железных дорог. Противостояние касалось Великобритании и России, кровно заинтересованных в тесных отношениях с Персией.

Постепенное присоединение Россией кавказских территорий, рост ее экспансии в Средней Азии не могли не беспокоить британцев, так как с продвижением русских на юг сокращалась буферная зона между владениями двух империй, возрастала угроза прямого контакта. Напряжение особенно усилилось в конце третьей четверти XIX в. Как заметил автор монографии, посвященной противостоянию двух дер-

1. И. И. Гальберг. Чертеж вазы (копия). Санкт-Петербург. 1838.
Бумага, карандаш, акварель, чернила. ГАСО

I. Galberg. The design of a vase (copy). St Petersburg. 1838.
Paper, pencil, watercolor, ink. GASO

жав, в течение одного поколения Россия «перепрыгнула через Кавказ, усилила свое влияние в Персии и утвердилась вблизи Британской Индии» [Казем-Заде, с. 12].

Не желая вступать в вооруженное противостояние, Англия и Россия пытались обеспечить свое влияние путем внедрения концессий в нуждавшуюся в инвестициях иранскую экономику. Стратегические задачи этих инвестиционных проектов обусловили их ориентир на развитие транспорта связи, разработку месторождений минеральных ресурсов. Правительство шаха Насер ад-Дина (Насреддина, 1831–1896), заботясь о пополнении казны, лавировало между предпринимателями, стремясь найти наиболее выгодные предложения и откладывая принятие на себя каких-либо обязательств. С 1864 г. начались переговоры о строительстве в Иране сети железных дорог. Первая попытка не увенчалась успехом, и в 1871 г. с новым предложением к Тегерану обратился барон Юлиус де Рейтер. Успешный немецкий предприниматель, к началу переговоров уже приобретший титул и получивший британское гражданство, пытался не только заинтересовать возможными прибылями шаха и его министров, но и заручиться поддержкой официального Лондона. Действительно, железная дорога, которая соединила бы побережья Каспийского моря и Персидского залива, отвечала интересам Британии, что не могло не вызвать недовольства в Петербурге. История концессии барона де Рейтера закончилась во время путешествия шаха по Европе летом 1873 г. В результате переговоров право строительства железных дорог в Иране перешло к русским предпринимателям. Однако противостояние бизнеса, за спиной которого стояли национальные интересы двух держав, продолжалось еще несколько десятилетий (см. об этом: [Казем-Заде]).

Необходимость больших инвестиций без надежды на быструю прибыль заставляла и отечественных бизнесменов искать государственных гарантий и даже стремиться получить финансирование из бюджета. Собственная потребность России в развитии железнодорожной сети и нехватка ресурсов обрекали персидские проекты на неудачу. Правительство Александра II само занималось привлечением иностранного капитала для развития транспортной системы страны.

Ваза английского финансиста

К традиции облекать благодарность российского монарха в форму камнерезного произведения обратились для выражения признательности «министру финансов г. Ротшльду» [Мавродина, с. 552]. Согласно архивным сведениям, ему в Лондон в качестве подарка в 1872 г. была отправлена «малахитовая ваза (№ 11) ценой 4 862 руб. 50 коп.» [РГИА. Ф. 468. Оп. 21. Д. 559. Л. 18, 18 об.] (цит по: [Мавродина, с. 552]), что составляет ровно половину от оценки работы пары екатеринбургских ваз 1864–1865 гг. – 9 725 руб. Ваза была адресована

барону Лионелю Натану Ротшильду (1808–1879), крупному финансисту, первому члену парламента из этой семьи. Несмотря на близость к британскому премьер-министру Дизраэли, Ротшильд никогда сам министерского кресла не занимал.

В семейной коллекции Ротшильдов эта ваза считается подарком императора Александра II за помощь в финансировании развития сети российских железных дорог. Это признание вклада Ротшильда было получено в 1873 г. [Roy, p. 5]. Разницу в дате между российскими архивными данными и сведениями из семьи получателя можно объяснить временной дистанцией между принятием решения о поднесении подарка и его доставкой, сопряженной, ввиду хрупкости предмета, с особыми трудностями.

В настоящее время это произведение находится в коллекции Ротшильдов (Rothschild Family Trust) в поместье Уоддесдон, где оно украшает одну из лестниц роскошного особняка. Выстроенный в 1874–1889 гг. для внука Л. Ротшильда Фердинанда (1839–1898) по проекту французского архитектора Габриэля-Ипполита Детайёра (1822–1893) в подражание французским замкам, он стал вместительным блестящим коллекций, собранных тремя поколениями семьи.

Ваза находится в прекрасной сохранности (ил. 2 на цв. вклейке). Рисунок вазы (инв. № 100.1995) и ее пропорции полностью соответствуют чертежу И. И. Гальберга. Размеры – 1070 мм в высоту и 900 мм в диаметре – также соответствуют указанным в проекте и в документации о завершении работ (106 и 88 см соответственно). Стоит отметить также изящный узор из спирально обвивающих тулово и ножку узорчатых лент, перемежающихся концентрическими «глазками».

Ваза персидского шаха

Весной 1873 г. шах Персии Насреддин начал свое первое путешествие по Европе с посещения российских городов. Целью поездки было личное знакомство монарха с обычаями других стран. Немалая роль отводилась и переговорам с политическими партнерами. Как отмечали российские газеты того времени, «факт этой поездки не может быть без связи с движением Азии к Европе, с каждым годом обозначающимся сильнее» [Шах Персии].

Особенными торжествами был отмечен визит шаха в столицу Российской империи. Приемы и балы, военные парады и выезды в загородные резиденции были призваны произвести впечатление на высокопоставленного гостя. Во время путешествия персидский монарх вел дневник, который был переведен на английский (1874) и русский (1889) языки. Среди записей, касающихся его пребывания в Петербурге, есть строки, посвященные знакомству с императорским музеем: «Мы перешли в Эрмитаж. Его директор г-н Кидиянов¹... был нам

¹ В указанный период директором императорского Эрмитажа был С. А. Гидеонов.

представлен и один за другим показал нам разные предметы – залы, полные картин, мраморных скульптур, больших и малых чаш из разных сибирских камней... столы, украшенные цветными каменными мозаиками, столы и вазы из *малахита*, особого сибирского камня, и еще много необычных и прекрасных предметов было нами увидено» [The Diary, p. 48]. Вероятно, свой восторг от увиденного шах выразил и сопровождавшим его представителям российского правительства.

Помимо познавательной и развлекательной программ, в российской столице с шахом и мирзой Хосейн-ханом князь А.М. Горчаков провел переговоры. Одним из обсуждавшихся вопросов было привлечение иностранного капитала для строительства железных дорог в Персии. В результате тонкой дипломатической игры русскому политику удалось добиться передачи по крайней мере части ранее обещанной англичанам концессии [Казем-Заде, с. 112]. На фоне растущего напряжения отношений России и Великобритании по ближневосточному вопросу это было важным шагом к закреплению русского влияния в регионе.

Успешное решение волновавшего Россию вопроса и проявленный персидским правителем интерес к каменным сокровищам императорских дворцов обусловили отправку в Тегеран символического дара. В том же 1873 г. в подарок персидскому шаху была отправлена «малахитовая ваза стоимостью 4 862 руб. 50 коп.» работы Екатеринбургской гранильной фабрики [РГИА. Ф. 468. Оп. 21. Д. 608. Л. 9] (цит. по: [Мавродина, с. 553]). Стоимость подарка, как и в случае с аналогичным, отправленным в Англию, составила половину от цены за пару екатеринбургских vaz.

Сегодня бывшая столичная резиденция шахов Голестан превращена в Национальный музей Ирана. Построенный в XVI столетии дворцовый комплекс неоднократно перестраивался, а в середине XX в. утратил часть входивших в него сооружений. Однако выстроенный в 1874–1877 гг. для шаха Насреддина роскошный зеркальный зал с примыкающими к нему комнатами и величественной лестницей сохранился до наших дней. В этих покоях сегодня можно познакомиться с разнообразными произведениями европейских и восточных мастеров прикладного искусства, полученными правителем в подарок или приобретенными во время путешествий.

Верх лестницы, стены которой сплошь покрыты зеркалами, украшает малахитовая ваза «медици» (инв. № 1700) (ил. 3 на цв. вклейке). Несмотря на утрату части малахитовой облицовки низкого постамента (подставки) и несколько сколов на венчике борта и манжете ножки, сходство мозаичного набора с хранящимся в Англии произведением не может не обратить на себя внимание. Рисунок малахитовой мозаики на предмете полностью идентичен узору на вазе, хранящейся в Уоддесдоне. Можно также отметить, что орнамент из лент и «глазков» украшает монументальную вазу из Эрмитажа – первое воплощение крупного варианта проекта. Размеры вазы также чрез-

вычайно близки к указанным на чертеже: 106 см в высоту и 82 см в диаметре (незначительные колебания между чертежом и каждой из ваз объяснимы трудностями измерения объемных предметов сложной формы).

Почти полтора столетия малахитовые вазы, созданные екатеринбургскими мастерами, существовали отдельно друг от друга. За сменой поколений владельцев и музейных хранителей, за перипетиями истории забылась история их создания. Возвращаясь сегодня к обстоятельствам преподнесения двух дипломатических даров, в результате которых парные произведения оказались разделены целым континентом и несколькими тысячами километров, трудно не увидеть в этом символический смысл: малахитовые вазы оказались в двух ключевых для «восточного вопроса» точках. Отправленная в Англию стала уменьшенным парафразом великолепного подарка русского императора королеве Виктории и последним малахитовым дипломатическим даром в эту страну. В Тегеране подарок Александра II стал первым экспонатом в значительно расширившейся впоследствии малахитовой коллекции персидских шахов, обозначившей новые рубежи распространения моды на символ роскоши русского имперского двора.

Список литературы

Будрина Л. А. Дипломатия в розовом цвете: родонитовые вазы для европейских суверенов // Седьмые Худояровские чтения : докл. и сообщения. 15–16 октября 2015 г. Н. Тагил : [Б. и.], 2017. С. 15–19.

ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 377, 380, 862.

Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии : Дипломатическое противостояние России и Англии. М. : Центрполиграф, 2004. 544 с.

Мавродина Н. М. Искусство русских камнерезов XVIII–XIX веков : каталог коллекции. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 560 с.

РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 35.; Оп. 21. Д. 559, 608.

Семенов В. Б. Малахит : в 2 т. Свердловск : Сред.-Урал. книж. изд-во, 1987. Т. 2. Хроника, документы, комментарии. 140 с.

Семенов В. Б., Тимофеев Н. И. Екатеринбургская гранильная фабрика: 1861–1917. Екатеринбург : Историко-геомологическое общество «Lithica», 2003. 496 с.

Шах Персии : Значение его поездки. Его вид. Его личность. Его слова. Его свита. Подробности о его пребывании в Петербурге // Гражданин. № 20. 1873. 14 мая. С. 589.

Göres B. Russian Furniture for the Prussian Court : A Present of Imperial Friendship // Apollo Magazine. 1992. Aug. P. 88–93.

Roy E. Russian Connections : A Trail of Objects with Russian Associations. Waddesdon Manor : The National Trust, 2014. 11 p.

The Diary of H. M. the Shah of Persia, during his Tour through Europe in a. d. 1873 / transl. by J. W. Redhouse. L. : John Murray, 1874. 427 p.

References

Budrina, L. A. (2017). Diplomatiya v rozovom tsvete: rodonitovye vazy dlya evropeiskikh suverenov [Diplomacy in Rose: Vases in Rhodonite Given to European Sovereigns]. In *Sed'mye Khudoyarovskie chteniya : nauchnoe izdanie. Doklady i soobshcheniya. 15–17 oktyabrya 2015 g.* Nizhnii Tagil, S. n., pp. 15–19.

- GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 86. List 1. Dos. 377, 380, 862.
- Göres, B. (1992). Russian Furniture for the Prussian Court. A Present of Imperial Friendship. In *Apollo Magazine*. August, pp. 88–93.
- Kazem-Zade, F. (2004). *Bor'ba za vliyanie v Persii. Diplomaticheskoe protivostoyanie Rossii i Anglii*. [Struggle for Mastery in Persia. Diplomatic Confrontation between Russia and England]. Moscow, Tsentrpoligraf. 544 p.
- Mavrodina, N. M. (2007). *Iskusstvo russkikh kamnerezhov XVIII–XIX vekov. Katalog kollektsii* [The Art of Russian Stonecutters between the 18th and 19th Centuries. Collection Catalogue]. St Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 560 p.
- RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 468. List 12. Dos. 35; List 21. Dos. 559, 608.
- Roy, E. (2014). Russian Connections: A Trail of Objects with Russian Associations. Waddesdon Manor, The National Trust. 11 p.
- Semyonov, V. B. (1987). *Malakhit v 2 t.* [Malachite. 2 Vols.]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. 2. Khronika, dokumenty, kommentarii. 140 p.
- Semyonov, V. B., Timofeev, N. I. (2003). *Ekaterinburgskaya granil'naya fabrika. 1861–1917* [Yekaterinburg Lapidary Factory. 1861–1917]. Yekaterinburg, Istoriko-gem-mologicheskoe obshchestvo "Lithica". 496 p.
- Shakh Persii. Znachenie ego poezdki. Ego vid. Ego lichnost'. Ego slova. Ego svita. Podrobnosti o ego prebyvanii v Peterburge* [Shah of Persia. The Significance of his Trip. His Appearance. His Personality. His Words. His Retinue. Details of his Stay in St Petersburg]. (1873). In *Grazhdanin*. No. 20. May 14, p. 589.
- The Diary of H. M. the Shah of Persia, during his Tour through Europe in a. d. 1873* / Transl. by J. W. Redhouse. (1874). L., John Murray. 427 p.

The article was submitted on 02.08.2017

Illustration for the article:
Lyudmila Budrina. Two Malachite Vases by Yekaterinburg Masters in Imperial Diplomacy

Иллюстрации к статье:
*Людмила Будрина. Пара малахитовых ваз екатеринбургских мастеров
в имперской дипломатии*

1. Ваза из пары. Екатеринбург. 1864–1865. Малахит, талкохлорит, резьба, мозаика. Екатеринбургская императорская гранильная фабрика, по проекту И. И. Гальберга. 1838. Уоддесдон. Коллекция Ротшильдов. Фото М. Фира

Vase from a set of two. Yekaterinburg. 1864–1865. Malachite, talcochlorit, carving, mosaic. Yekaterinburg Lapidary Factory, design of I. Galberg. 1838. Waddesdon, The Rothschild Collection (Rothschild Family Trusts); Photograph by M. Fear

2. Ваза из пары. Екатеринбург. 1864–1865. Малахит, талкохлорит, резьба, мозаика. Екатеринбургская императорская гранильная фабрика, по проекту И. И. Гальберга. 1838. Дворец Голестан. Библиотека рукописей. Тегеран. Иран

Vase from a set of two. Yekaterinburg. 1864–1865. Malachite, talcochlorit, carving, mosaic. Yekaterinburg Lapidary Factory, design of Ivan Galberg. 1838. Golestan Palace. Manuscripts Library. Tehran. Iran